

УДК 316.16: 141.7

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ КАК НОРМООБРАЗУЮЩЕЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Жукова Ольга Ивановна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: oizh@list.ru

Жуков Владимир Дмитриевич, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Кемеровская государственная медицинская академия (г. Кемерово, РФ). E-mail: oizh@list.ru

В статье рассматривается проблема идентичности как то, что позиционирует личность в качестве индивидуальной неповторимости и то, что позволяет ей формировать собственное «я»; подчеркивается,

что по мере усложнения мира социума идентичность приобретает множественный характер. Авторами кризис идентичности рассматривается как конфликт между сложившимися устойчивыми структурами идентичности индивида и соответствующим способом вписывания ее в окружающую реальность. Авторы приходят к выводу, что кризис идентичности – это неизбежный и логичный этап на пути развития личности и обретения себя в качестве гармоничной целостности.

Ключевые слова: личность, самость, идентичность, кризис идентичности.

IDENTITY CRISIS AS A NORM-SETTING FORMATION OF PERSONALITY

Zhukova Olga Ivanovna, Doctor of Philosophic Sciences, Professor of Chair of Philosophy of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oizh@list.ru

Zhucov Vladimir Dmitrievich, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Chair of Philosophy, Kemerovo State Medical Academy (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oizh@list.ru

The article deals with the problem of identity that considers personality as an individual uniqueness and allows it to form his own ego. Identity gets multiple nature as the world society becomes more complicated. The authors consider identity crisis as a conflict between the established stable structures of the individual identity and the appropriate manner of inscribing it in the surrounding reality. The authors conclude that the identity crisis is inevitable and logical stage of personal development and finding himself as a harmonious whole.

Keywords: personality, self, identity, identity crisis.

Сегодня с полным основанием можно говорить о том, что современный социум утратил устойчивые социальные общности, которые сплели единую социальную ткань, позволяя самости обретать аутентичную себе систему социальных координат. Вращаясь во множестве разнопорядковых реальностей, извлекая из них определенный для себя опыт, человек, тем не менее, не идентифицирует себя ни с одной из них. Подобное неустойчивое положение индивида, его образа, как в собственных глазах, так и в глазах других, стало естественным и даже привычным явлением.

Дело не только в том, что человек лишился определенных гарантий данной устойчивости в социокультурной реальности. В истории всегда были периоды, которые воспринимались, описывались как катастрофические, распадающиеся, деструктивные. Но они не понимались и не анализировались в качестве «кризиса идентичности». Безусловно, это явление имеет свои объективные причины, на которые обращает внимание теоретическая мысль и где попытки осознания данной тенденции предпринимаются в разных исследовательских программах.

Проблема идентичности – одна из преобладающих в современном гуманитарном зна-

нии. Термин этот прочно вошел в дискурсивные практики интеллектуального сообщества. Философы и психологи практически соединили понятия самосознания и идентичности, культурологи рассматривают культурную и субкультуральную идентичность, политологи – мультикультуральность и национальную идентичность. Понятие «идентичность» прилагается к индивидам, культурам, субкультурам, этносам, нациям. В литературе имеется достаточно много типологий и классификаций идентичности. Их подразделяют на «индивидуальные» и «групповые», «позитивные» и «негативные», «локальные» и «надлокальные», «фундаментальные» и «релятивные». Самыми основополагающими считаются этнические, расовые, национальные и цивилизационные идентичности, связанные с антропологическими, языковыми, культурными и религиозными различиями индивидов. Такая широта и частота использования данного понятия, конечно, не являются случайными, а выражают объективно существующие процессы, происходящие в социокультурной реальности. Несмотря на то, что в литературе отмечается достаточно разнопорядковое осмысление данного феномена, связанное с междисциплинарным характером его изучения

и серьезно разнящееся в зависимости от предмета исследования, на сегодняшний день сложилось определенное понимание идентичности, позволяющее фиксировать его существенные характеристики.

Термин идентичность (от лат. корня *idem* – то же самое) обозначает прежде всего (что обычно фиксируется в словарях) структуру вещей, которые остаются теми же самими, сохраняющими свою сущность при всех трансформациях. Здесь необходимо учитывать, что нас интересует не широкий спектр видения данного феномена, где речь идет об установлении тождества однозначного соответствия по отношению к разным объектам, а применение этого соответствия по отношению к индивиду. Отсюда, в контексте исследования, проблема идентичности будет нами рассматриваться как то, что позиционирует личность в качестве индивидуальной неповторимости и то, что позволяет ей оставаться самой собой.

Идентичность личности не означает ее тождественности с другими. Здесь, в первую очередь, речь заходит об идентичности, тождественности личности по отношению к самой себе, и в этом заключается ее простое обозначение. Но очевидно, что данная простота весьма обманчива, так как «тождественность личности самой себе» – одна из сложнейших и мучительных проблем ее развития, где сами параметры, координаты данной тождественности не даны в качестве непреложных и однозначных. Данная тождественность всегда ищется и корректируется сквозь призму опыта ее взросления и становления в качестве зрелой, целостной самости, где немаловажную роль играют ее духовные способности, одной из которых является способность к постоянной открытости в постижении нового.

Данная тождественность может связываться с антиномичностью идентичности, где можно определить точку соприкосновения между двумя противоречивыми представлениями идентичности. Здесь, с одной стороны, как показывает П. Рикер, идентичность выступает как тождественность (лат. *idem*), с другой – проявляет себя как самость (лат. *ipse*). В первом случае (*idem*) речь идет об одинаковости, самоидентичности, которая находит свое отражение в генетической, биологической основе индивида, воплощенной в его характере. Во втором случае (*ipse*) речь идет о самости и ее изменении, изменении,

происходящим с тем, что не меняется. В этом плане можно говорить о том, что личность есть единство устойчивости и изменчивости. Даже сама фиксация такого различия между этими двумя вариантами идентичности проявляется в таких терминах, которые одновременно являются и дескриптивными, и символическими: характер и сдержанное слово. Под характером здесь имеется в виду «совокупность отличительных признаков, позволяющих повторно идентифицировать человеческого индивида как самотождественного. Благодаря дескриптивным чертам характер вбирает в себя количественную и качественную идентичность, непрерывное постоянство, постоянство во времени. Именно так он эмблематическим образом обозначает тождественность личности» [3, с. 148–149].

Дело в том, что по характеру, обозначаемому как сочетание длительных предрасположенностей, можно узнать человека. С понятием предрасположенности сочетается понятие привычки, как уже наличествующей, так и приобретенной. Каждая привычка образует некоторую черту личности, черту ее характера, по которой она распознается. Тем самым характер становится совокупностью этих отличительных знаков. Также понятие предрасположенности связывается с приобретенными идентификациями, с помощью которых в состав тождественного привносится новое. По большому счету, идентичность человека устанавливается по таким идентификациям, как ценности, нормы, идеалы, герои. В них личность узнает себя и по ним определяет приоритеты своего бытия. Благодаря приобретенным привычкам и идентификациям, то есть предрасположенностям, у характера формируется и качественная и количественная идентичность, не прекращающееся постоянство изменения, постоянство во времени, определяющие его тождественность. В характере *idem* и *ipse* стремятся препятствовать их различению, поэтому вполне логично для различения идентичности самости и идентичности тождественного обращаться к другой модели постоянства во времени, чем характер, – модели сдержанного слова.

Именно верность сдержанному слову является показательным выражением идентичности противоположной модели характера. Сдержанное слово и говорит о том, что личность сохраняется. Сдерживая слово, обещание, человек символи-

зирует собой некий вызов, брошенный времени, отрицая тем самым изменения. Как бы не изменялись его предпочтения, желания, привязанности, наклонности, он сохраняет самого себя. Подобную устойчивость ему и придает сдержанное слово.

Здесь принципиально важным оказывается то, что личность является личностью, если она включена в этическую плоскость своего существования. Этический параметр (особенно проявляющейся в таком термине, как «ответственность») обозначает, что личность существует так, чтобы другой мог на нее рассчитывать, а рассчитывать – это и значит держать ответ, слово за свои поступки перед другим.

Итак, понятие «идентичность личности» обозначает непротиворечивый, личностно принимаемый образ самости во всем спектре самых разнообразных взаимоотношений с окружающей реальностью, где личность поддерживает, открывает саму себя через диалектику своей самостоятельности и многочисленных зависимостей. Идентичность личности – это прежде всего изменчивость при неизменной устойчивости. Идентичность не есть некое неизменное свойство присущее изначально, а то, что формируется, закрепляется или, наоборот, преобразовывается, трансформируется в процессе взаимоотношений с окружающей реальностью.

Проблема идентичности приобрела свое актуальное звучание с наступлением современной эпохи. До этого в обществе (которое можно обозначить и как традиционное или доиндустриальное) идентичность индивида определялась принадлежностью определенному социальному слою, которую невозможно было изменить по его желанию. Поэтому проблема самоидентичности принципиально не могла возникнуть в качестве основополагающей в данной социальной реальности.

В традиционном обществе идентичность представляла высоко профилированной, то есть полностью представляющей ту объективную реальность, в которой она находилась. Фактически каждый человек был тем, за кого его принимали. П. Бергер и Н. Лукман пишут: «В таком обществе идентичности легко узнаваемы, как объективно, так и субъективно. Всякий знает про всякого, кем является другой и он сам. Рыцарь является рыцарем, а крестьянин – крестьянином,

как для других, так и для самого себя. Поэтому тут нет проблемы идентичности. Вопрос “Кто я такой?” – вряд ли возникнет в сознании, поскольку социально предопределенный ответ массивно реален субъективно и постоянно подтверждается всей социально значимой интеракцией. Это не в коем случае не означает, что индивид рад такой идентичности. Быть крестьянином вряд ли очень приятно, это включает в себя всякого рода субъективные реальные и настоятельные проблемы, совсем не радостные. Но в эти проблемы не входит проблема идентичности. Можно быть нищим или даже бунтующим крестьянином. Но он был именно крестьянином. Личности, сформированные в таких условиях, вряд ли понимают себя в терминах “скрытых глубин”. “Поверхностное” и лежащее за поверхностью Я дифференцируется лишь в терминах степеней субъективной реальности, которая в каждый данный момент представлена в сознании, но не в терминах перманентной дифференциации “слоев” Я» [1, с. 265]. Итак, в традиционном обществе сознание людей мир воспринимало строго упорядоченным, иерархичным. В этом мире все имело свое место, все было взаимосвязано, гармонизировано. Каждый человек являлся исполнителем определенной социальной функции, которую исполняли до него, и после него будут исполнять другие.

В современных обществах подобные взаимоотношения принципиально меняются: межличностные отношения обретают независимость от связей родства, от клановых традиционных определений. Возникает личность, которая пытается воспринимать себя в качестве целостности своей индивидуальной жизни. Для нее в качестве главной становится проблема самоопределения, самоидентичности. Данная самоидентичность осмысливает себя в терминах автобиографии. В этом плане можно говорить о том, что автобиография является своеобразным структурирующим ядром самоидентичности. Ее наличие подразумевает возможность личности выстраивать целостную, планируемую логику своего жизненного проекта. Такой проект не может быть успешно реализован, если она не полагает в качестве естественного возможности выбора нескольких вариантов жизненного пути. Признание данной вариативности означает, что личность должна сознательно осуществить выбор своей жизненной программы, «выбирая» которую она, в конечном

счете, формирует себя, свою тождественность с определенной группой, образом жизни, ценностными императивами.

По мере усложнения мира социума – вступления обществ в стадию постиндустриального развития – (и здесь неважно как данное общество будет обозначаться: «постиндустриальным», «информационным», «обществом риска», «обществом постмодерна» и т. д.) идентичность начинает приобретать множественный характер. Все это приводит к сложной проблеме, с которой она сталкивается. Индивид начинает ощущать себя совокупностью самых разных ролей, которые ему приходится исполнять и в которых присутствует лишь самая минимальная часть его целостности. Причем ему приходится постоянно держать под контролем взаимодействие между собой этих ролей, не позволяя им вмешиваться в исполнении друг друга, поскольку каждая из них имеет свой собственный контекст и может быть совершенно неуместна и неприемлема в другом. Таким образом, он нигде не чувствует себя аутентично в полной мере, у него нет однозначного образа себя, который выступал бы для него как естественный и очевидный. Наличие множества идентичностей приводит личность к определенному замешательству, которое обозначается как кризис идентичности.

Если исходить из социально-онтологических оснований кризиса идентичности, то они заключаются в размывании свойственных классическому обществу модерна привычных, устойчивых социальных образований, текучести социальных структур постиндустриального общества. Не случайно постсовременность обозначается как «текучая», «мягкая», «бархатная», в которой устойчивые социальные классы, прослойки (объединенные общностью социальных интересов) уступают место случайным, возможным при определенных условиях объединениям, скрепленным лишь условностью социального символа.

Появление терминов «неокочевничество», «номадическая идентичность», сравнивающих жизнь современного человека с образом жизни кочевников, как раз и отражают размывание устойчивых социальных структур. Когда в свое время А. Тоффлер говорил о кочевничестве, то он под ним подразумевал самоощущения людей вынужденных мигрировать, менять место жительства, работы и сопутствующие этому, состояния

потерянности, депрессии, которые они испытывали. Сегодня неокочевничество скорее выражает не трудную жизненную ситуацию, а наоборот, ее нормальность. Оно отражает обычный образ многих людей, воспринимаемый ими как вполне естественный. Номадизация характеризуется как такое положение человека, при котором он не в состоянии, хотя бы в общих чертах, определить свое будущее. И в этом плане его жизнь, как и жизнь кочевника, не связывается с долгосрочными программами и осознанными целями. Все это приводит к тому, что, с одной стороны, индивид привыкает полагаться только на самого себя и исходить из своей самодостаточности и самореализации (отсюда рост индивидуализации), с другой – у него возрастает чувство внутренней несогласованности, разорванности собственного «я», потерянности самоидентичности.

Собственно понятия «идентичность», «кризис идентичности» прочно вошли в философский, психологический, социологический словарь, с середины двадцатого столетия и приобрели междисциплинарный характер после публикаций работ Э. Эриксона. Следует при этом заметить, что сам эго-психолог не считал себя первооткрывателем и называл среди основных предшественников данной позиции У. Джеймса, З. Фрейда, А. Фрейд и др. Безусловно, здесь необходимо учитывать, что хотя до Эриксона данные термины не использовались именно в таком понятийном обозначении, их отсутствие не означает, что соответствующая проблематика не обсуждалась в теоретических концепциях. Так, по большому счету Джеймс, говорит именно об идентичности (используя в основном термин «характер»), подразумевая под ней субъективное чувство соответствия личности себе самой. У З. Фрейда идентичность понимается как внутренний, частный мир человека, на становление которого большую роль оказывают биологический и социальный процессы. В основном З. Фрейд уделял большое внимание феномену идентификации. Идентификация – группообразующий фактор, позволяющий человеку выстраивать свою самость, принимая во внимание множество образцов и стилей поведения других и отождествляя себя в большей степени бессознательно с некоторыми из них. Процесс идентификации выполняет важные функции: адаптационную (защитную) и социализирующую. При этом наиболее важной оказывается биолого-

психологическая. Именно сохранение этой функции оказывается наиболее существенной и определяющей для человека.

В позиции фрейдизма есть определенный недостаток: отсутствие в нем должного внимания к факторам окружающей реальности, мира социума, оказывающих серьезное воздействие на внутренний мир личности. В противоположность классическому психоанализу, исходящему из противопоставления человека и общества, здесь в след за Эриксоном следует подчеркнуть наличие адаптивного характера поведения человека, где собираются, кумулируются черты наличествующие в качестве идентичности. Отсюда идентичность и понимается как состояние перманентной самоидентичности, самооценки, основанные на принятии своего целостного образа в единстве с многоаспектными социальными связями. Таким образом, стабильность, непротиворечивость идентификации происходит тогда, когда личность достигает гармоничного соотношения между представлениями о себе самой и представлениями других о ней. Данный процесс находится в постоянном развитии и изменении, постоянной дифференциации, наполняясь более сложным содержанием по мере того, как расширяются значимые для индивида другие. В любом случае человек всегда стремится к обретению собственной целостности, которая, тем не менее, может быть нарушена в результате «кризиса идентичности».

Впервые термин «кризис идентичности» был употреблен во время Второй мировой войны в процессе лечения ветеранов. Работавшие с ними психологи, обнаружили, что многие из них пройдя экстремально тяжелые условия войны, потеряли тождество своей самости и чувство непрерывности, взаимосвязанности времени. Позже подобные нарушения были зафиксированы у молодых людей раздираемых внутренними глубинными противоречиями. Но реакция на подобный кризис у молодых людей, проявляющаяся в состоянии либо агрессии, либо депрессии, носит временный характер и не влечет за собой необратимые, деструктивные процессы в развитии самости. Все это позволило развести патологический «кризис идентичности» от возрастного кризиса как неотъемлемого атрибута жизни любого человека. Отсюда изменилось отношение к пониманию самого термина «кризис». Он перестал ассоции-

роваться с неизбежной катастрофой, деструктивностью, а стал пониматься как неизбежный поворотный пункт, критический момент, после которого развитие повернет в ту или иную сторону – в сторону роста или собственно деградации.

Кризис идентичности – это конфликт между сложившимися устойчивыми структурами идентичности личности и соответствующим способом вписывания ее в окружающую реальность. Проявляться кризис может в таких состояниях, как близость, неотчетливость временных перспектив, выбор негативной идентичности, наложение и смешение ролей. В этом контексте особенно важным для понимания процессов, происходящих с индивидом, предстает негативная идентичность, которая диктуется необходимостью найти свою нишу и защититься от чрезмерно высоких требований, предъявляемых актуализированными вышестоящими авторитетами. Подобный выбор негативной идентичности представляет собой попытку овладеть ситуацией, для того что бы таким своеобразным способом согласовать различные элементы идентичности, взаимоподавляющие друг друга. Негативная идентичность исходит из таких идентификаций и ролей, которые на критических стадиях развития представляются и осознаются как наиболее нежелательные или опасные, но и в то же время наиболее реальные.

Кризис, переживаемый индивидом, как правило, приводит к фрустрации, депрессии, агрессивности, многочисленным внутренним конфликтам, но, тем не менее, его следует рассматривать как неизбежный и логичный этап на пути развития личности к становлению и обретению себя в качестве целостной идентичности. В конечном итоге, здесь важно, чтобы кризис не привел к замене самоуважения ненавистью к себе. Именно в таком контексте рассматривает кризис идентичности В. Хёсле, чьи идеи для нас являются близкими в понимании проблем, с которыми сталкивается личность.

Хёсле рассматривает кризис идентичности как отвержение самости со стороны «я». Здесь сразу необходимо прояснить, что понимается мыслителем под самостью и «я». В его концепции это не совпадающие понятия, при всей относительности различий между самостью и «я». «Я» – это наблюдающее начало, самость – наблюдаемое (в данном случае мы видим следование одной из традиционных позиций философии, рассматри-

вающих самость в качестве устойчивого, «ядерного» центра человека). «Я» человека наблюдает за его самостью, дистанцируется от нее, но «я», может наблюдать и свое наблюдение, и в этом случае, то, что было «я», становится самостью. Отсюда «я» может также отождествляться с самостью, то, что сначала было самостью, становится «я». В любом случае, проблема идентичности является проблемой отождествления, идентификации «я» и самости.

Кризис идентичности, в котором «я» отвергает свою самость, не может быть совершенно явным, открытым, очевидным. Человек, не любящий, презирающий свою самость, ищет разные способы обмана, бегства от самого себя. Это связано с весьма серьезными, мучительными страданиями, через которые ему приходится проходить, и которые могут быть преодолены только путем продолжительных усилий. Здесь можно назвать разные причины проявления кризиса идентичности (от психосоматических до социальных). Так, например, одной из них может быть причина, коренящаяся в физических метаморфозах тела и нежелании мириться с этими изменениями; другая – может вызываться потерей памяти, так как в значительной степени личность формируется прошлым, и некоторые моменты прошлого «я» хочет забыть, то есть забыть свою самость. Последнее приводит к кризису идентичности. Также источником кризиса может быть и отказ признавать временность, мимолетность своей самости, следствием чего вполне может быть панический страх смерти. Неверные, искаженные образы собственной самости (чрезмерное преувеличение своих достоинств или наоборот недооценивание, принижение себя) приводят к кризису идентичности. Но самый серьезный и безысходный кризис идентичности в основном вызывается убеждением в отсутствии вообще каких либо нравственных норм. Безысходность этого кризиса в том, что из него практически нет выхода, так как само понятие «кризис» предполагает нормативные коннотации, которые человек отклоняет. В данном случае отвержение, неприятие различия между правильным и неправильным, ошибкой и истиной снимает саму постановку вопроса о кризисе, что и порождает его безвыходность. К наиболее распространенным причинам кризиса идентичности относится диспропорция между аутентичной и феноменальной (социальной) са-

мостью. И в этом плане особенно поразительным оказывается то, насколько человек быстро, практически без всякого сопротивления, принимает завышенные или наоборот осуждающие оценки других относительно самого себя, вне каких-нибудь убедительных моральных посылок. Также кризис дает о себе знать, когда происходит столкновение с наиболее властной, доминирующей, сильной личностью, под давлением которой приходится находиться, или взаимодействии с талантливым, незаурядным человеком, в результате чего, оценка собственной индивидуальности приходит к резкой аберрации, появлению ощущения своей никчемности и ненужности вообще. Идентичность «расшатывается» тогда, когда приходится переживать разочаровывающее поведение близких людей, особенно предательство бесконечно дорого и близкого человека, в результате чего возникает сомнение относительно адекватной способности объективно воспринимать и оценивать других.

Важность для нашего исследования концепции Хёсли заключается в том, что мыслителем подчеркивается следующая (и как нам представляется справедливая) идея: несмотря на весьма серьезную опасность, которую с собой несет каждый кризис идентичности, тем не менее его нельзя оценивать только в негативных характеристиках. Необходимость кризиса заключается в том, что благодаря ему происходит развитие человека и социальных институтов (когда речь заходит о кризисе коллективной идентичности). В результате кризиса происходит частичное отторжение своей прежней идентичности и начинает формироваться новая самость, которая приобретает более сложное содержание. Для этого, как считает Хесле, необходимы следующие условия разумного восстановления идентичности: «Прежде всего чрезвычайно важно, чтобы «я» признало, что отвергаемая им самость не является всецело отрицательной. Причина, в силу которой «я» столь сильно призирает самость – именно их идентичность, – указывает правильное направление. Признание «я» недостатков самости следует видеть в положительном свете: поскольку данное признание следует считать положительным достижением «я», относящего к этой самости, последняя не может быть совершенно неисправима и безнадежно дурна; в противном случае «я» никогда не мог-

ло бы почувствовать отвращения к ней. Испытываемое «я» отвращение является зачатком новой идентичности и именно благодаря пониманию им того, что это отвращение не может быть полностью оправданным, будь оно даже разумным, ибо, будучи разумным, оно представляет собой нечто положительное» [4, с. 121].

Ключевым для философского пути поиска адекватного выхода из кризиса идентичности выступает разумность идентичности. Именно поэтому отвержение собственной самости для «я» не может носить тотального характера, так как это просто противоречит принципу разумности. Разумность в этом контексте выступает в качестве нормативного принципа идентичности человека. Особенно это проявляется в отрицании самости, в том, что разумное, последовательное отношение «я» к самости требует признания за отрицаемым положительного значения по причине ее тождества с отрицаемым. Разумность проявляется в том, что в построении новой идентичности человек должен насколько возможно избегать оценки своих прошлых идентичностей как абсолютно ложных, отрицательных. Ошибка подобного варианта поведения индивида заключается в его излишней зависимости от отрицательного опыта, который удерживает его, доминирует над ним и не дает возможности адекватно, непредвзято оценить путь своего развития. Здесь принципиально важно человеку понять порождающий принцип развития собственной индивидуальности, исходя из которого признается определенный смысл, за-

кономерность (пусть и в скрытом варианте) прошлого опыта, позволяющего примирить свое прошлое с настоящим.

Итак, кризис идентичности, несмотря на весь драматизм его прохождения, выступает нормой становления личности. И его следует понимать как желание ее осознавать себя в качестве единой целостности, как умение преодолевать разорванность, противоречивость своих образов и гармонично их соединять. Как отмечается О. И. Жуковский в статье «Проблема кризиса личности в условиях общества постмодерна, «кризис идентичности позволяет человеку понять принцип собственного становления. Сущность его заключается в умении признавать скрытую, но, тем не менее, логичную закономерность своего прошлого, принимать себя в системе пространственно-временных координат этого прошлого, а значит примиряться с ним, даже если оно отвергается по причине смены ценностных ориентиров» [2, с. 178]. **Даже обостренное осознание ошибочных действий, которые человек не должен был совершать, предполагает не восприятие их в качестве абсолютной неисправимости, а как условие возможного личностного прогресса.** В этом контексте прогресс совершенно был бы немыслим, если бы личность с самого начала своего жизненного пути уже им обладала. Анализ причин глубины самой себя, своей аутентичности. И здесь как раз ее зрелость, самодостаточность и проявляется в способности понять смысл своего подлинного существования.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Жукова О. И. Проблема кризиса личности в условиях общества постмодерна // *Философия образования*. – 2008. – № 1 (22). – С. 176–183.
3. Рикер П. Я. – сам как другой. – М.: Изд-во гуманитар. лит., 2008. – 419 с.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта, 2006. – 356 с.
5. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // *Вопр. философии*. – 1994. – № 10. – С. 112–123.

References

1. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti [The Social Construction of Reality]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p. (In Russ.)
2. Zhukova O.I. Problema krizisa lichnosti v usloviyakh obshchestva postmoderna [The problem of personal crisis in the postmodern society]. *Filosofiya obrazovaniya [Philosophy of education]*, 2008, no 1 (22), pp. 176–183. (In Russ.)
3. Riker P. Ya – sam kak drugoy [I – self as another]. Moscow, Human literature Publ., 2008. 419 p. (In Russ.)
4. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and crisis]. Moscow, Progress Publ., 2006. 234 p. (In Russ.)
5. Khesle V. Krizis individual'noy i kollektivnoy identichnosti [Crisis of individual and collective identity]. *Voprosy filosofii [The question of philosophy]*, 1994, no 10, pp. 112–123. (In Russ.)